

Ванька Каин в культурном пространстве России: семиотика поведения*

Елена Приказчикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Vanka Kain in Russia's Cultural Space: The Semiotics of Behaviour

Elena Prikazchikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the main interpretations of the image of Vanka Kain (Ivan Osipov), the famous “thief and swindler” from the 1730s, based on documents of the Investigative Prikaz, decrees of the Senate, and the affairs of the Police Chancellery, as well as two works of art from the eighteenth century in which Vanka Cain acts as the main character. The article considers Ivan Osipov’s “autobiography”, allegedly written by himself and known as *The Life and Adventures of the Russian Cartouche Called Kain* (1777), and *The Story of Vanka Kain the Swindler*, a book by M. Komarov (1779). While the analysis of historical documents makes it possible to recreate the historical appearance of Vanka Kain, literary texts help us see the main interpretations of his image in accordance with the traditions of eighteenth-century folk culture and fiction, as well as the traditions of the emerging robbery novel, which created the conditions for the romanticisation of the image of the outlaw. As a result, the author singles out images of the “Russian Cartouche”, “daring good fellow”, “unfortunate”, and “fraud and thief” as personifying elements of the buffooning nature of folk culture through the system of robbery-related jokes. A special place in the characterisation of Vanka is occupied by the image of the “detective” and “Kain” (the image of the latter is visualised to a lesser extent in literary texts, but is well reflected in documents from the eighteenth century). The author

* Citation: Prikazchikova, E. (2022). Vanka Kain in Russia's Cultural Space: The Semiotics of Behaviour. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 275–289. DOI 10.15826/qr.2022.1.671.

Цитирование: Prikazchikova E. Vanka Kain in Russia's Cultural Space: The Semiotics of Behaviour // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 275–289. DOI 10.15826/qr.2022.1.671 / Приказчикова Е. Ванька Каин в культурном пространстве России: семиотика поведения // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 275–289. DOI 10.15826/qr.2022.1.671.

of the article suggests supplementing the existing characteristics of the image of Vanka Kain with the image of the adventurer of the era of “palace coups”. The semiotics of his behaviour are inextricably linked with the historical and cultural situation of the 1730s–1740s, which allowed a former serf to temporarily become the actual “master” of Moscow in accordance with the instructions of the Senate, which were based on the decree of Empress Elizabeth.

Keywords: eighteenth-century Russian literature, Vanka Kain, semiotics of behavior, adventurer, noble thief, M. Komarov

Исследуются основные репрезентации образа известного «вора и мошенника» 1730-х гг. Ваньки Каина (Ивана Осипова), основанные на документах Сысского приказа, указах Сената и делах полицейской канцелярии, а также на двух художественных произведениях XVIII столетия, в которых он выступал главным героем. Речь идет об «автобиографии» Ивана Осипова «Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина...» (1777), якобы написанной им самим, и книге М. Комарова «История мошенника Ваньки Каина» (1779). Анализ исторических документов дает возможность воссоздать исторический облик Ваньки Каина, художественные же тексты позволяют увидеть основные характеристики его образа в традициях беллетристической литературы XVIII в., а также зарождавшегося разбойничьего романа, в которых впервые романтизировался образ «внезаконника», *outlaw*. Выделяются образы «русского Картуша», «удалого добра молодца», «несчастенького», «мошенника и вора», олицетворяющего собой через систему воровских прибауток скоморошеское начало. Особое место при характеристике героя занимает образ «сыщика» и собственно «Каина» (образ последнего в меньшей степени визуализируется в художественных текстах, но хорошо отражен в документах XVIII в.). Автор предлагает дополнить существующие характеристики образом авантюриста эпохи дворцовых переворотов. Его семиотика поведения оказывается неразрывно связана с исторической и культурной ситуацией 30–40 х гг. XVIII в., позволившей бывшему крепостному на короткое время стать фактическим «хозяином» Москвы в соответствии с инструкцией Сената, основанной на указе императрицы Елизаветы Петровны.

Ключевые слова: русская литература XVIII в., семиотика поведения, авантюрист, благородный разбойник, М. Комаров

Ванька Каин в документах XVIII в.

Ванька Каин с полным основанием может называться знаковой фигурой конца 1730-х – начала 1750-х гг. Писатель XIX в. Д. Мордовцев, находя в Каине тип народного героя, манифестирующего себя и как «удалого доброго молодца», и как «несчастенького», одновременно с этим видел в нем «микрокосм деморализованного историей русского общества» [Мордовцев, с. 17–18]. По его мнению, это

происходило потому, что «служить, грабить, воровать, доносить и дослуживаться до высоких степеней – это были синонимы в каиновское время» [Там же, с. 79]¹. История взлета и падения Ваньки Каина олицетворяет собой эпоху «слова и дела», когда удачный донос на хозяина мог даровать крепостному свободу. Ванька Каин в 1735 г. в возрасте 17 лет закричал «слово и дело» на своего хозяина купца Филатьева, в московском доме которого он к тому времени служил около четырех лет, обвинил его в убийстве и сокрытии тела солдата ландмилиции. Одновременно это время начавшейся «русской ябеды» (ее символом станет комедия В. Капниста «Ябеда»), повсеместно распространившегося взяточничества и неправосудия.

Биография Ваньки Каина (Ивана Осипова) восстанавливается по историческим документам XVIII в. Сыскного приказа, указам Сената, делам полицейской канцелярии. Подобная работа впервые была предпринята Г. В. Есиповым, который обратил внимание на то, что в художественных текстах, посвященных Каину, в качестве даты его рождения неизменно называется 1714 г., в то время как на самом деле он родился в 1718 г. Воровал и разбойничал Ванька Каин во второй половине 1730-х гг. Когда писатель М. Комаров выпускал свою книгу о Каине в 1779 г., он не случайно назвал его «московским сыщиком», но при этом «российским мошенником, вором, разбойником», так как противоправная деятельность героя не была связана исключительно с первопрестольной. Он четыре раза «отметился» на Макарьевской ярмарке, пять раз «посетил» Троице-Сергиеву лавру, воровал и мошенничал в Дмитрове, Кашине, Устюжне, Гороховце, Вязниках, Нижнем Новгороде, Владимире. Эта беспокойная и опасная жизнь закончилась 27 декабря 1741 г. В этот день Ванька пришел в Сыскной приказ, находящийся в Китай-городе, возле церкви Василия Блаженного, и предложил себя в сыщики, представив членам приказа реестр, в котором содержались имена 32 мошенников, которых можно было немедленно арестовать. В этот же день при помощи 14 солдат и подьячего Петра Донского аресты были произведены, и Ванька Осипов стал официально называться в бумагах Сыскного приказа «доноситель Иван Каин». По справке Сыскного приказа, только «с 28 декабря 1741 г. по ноябрь 1743 г. Ванька Каин поймал: мошенников 109 человек, воров 37 человек, становщиков (содержателей воровских притонов) 50 человек, покупателей 60 человек, разных беглых солдат 42 человека» [цит. по: Есипов, с. 308].

Но настоящий «звездный час» Ваньки Каина наступил в 1744 г. 24 сентября он обратился к сенаторам с просьбой не верить доносам на него и не давать им хода, так как для поимки злодеев вынужден «иметь знакомство» со многими ворами. Сенат вошел в положение

¹ Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина была проанализирована Е. В. Акельевым [Акельев, 2012].

доносителя, послав 3 октября в Сыскной приказ указ, запрещающий принимать во внимание показания на Каина, сделанные «колодниками» приказа или вновь пойманными злодеями. Уже в ноябре 1744 г. Ванька Каин обращается в Сенат с просьбой о специальной инструкции, предписывающей как московской полиции, так и другим командам, «чтобы в сыске и поимке воров ему препятствия не чинили» [Указ Сената Сыскному приказу, с. 312]. Эта инструкция была получена им 9 декабря того же года. По мнению Г. В. Есипова, это распоряжение Сената «поставило его выше всех полицейских властей и предоставило ему страшную возможность брать под арест всякого, кого ему вздумается» [Есипов, с. 313].

Конец эпохи Ваньки Каина наступил в январе 1749 г., когда он был арестован по личному приказу генерал-полицмейстера А. Д. Татищева, подчинявшегося с 1746 г. непосредственно императрице. Следствие продолжалось в общей сложности семь лет, вначале в специально созданной по такому случаю комиссии, а затем в 1753–1755 гг. в Сыском приказе. По его завершении в июне 1755 г. Ванька Каин был приговорен к смертной казни. Сенат заменил ему смертную казнь через колесование на пожизненную каторгу, которой предшествовали вырывание ноздрей, наказание кнутом и клеймение.

Ванька Каин неоднократно совершал поступки, которые совсем не вписываются в образ «благородного разбойника». Он сдал в Сыскной приказ своего друга и учителя Петра Камчатку (Романова), который привел Ваньку под Каменный мост к московским ворами и поручился за него. При «сдаче» 1741 г. Камчатке удалось залечь на дно и избежать ареста, но после второго ареста в 1748 г. он был отправлен в ссылку в Оренбург, «в работы навечно». Этот арест укрепил авторитет Ваньки в Сыском приказе.

Очень специфической была женитьба Каина. Полюбив солдатскую вдову Арину Ивановну и получив от нее решительный отказ еще в пору своей «мошеннической» жизни, Ванька затаил обиду и уже на второй день пребывания в статусе официального доносителя оклеветал красавицу, обвинив ее в помощи вору и в сбыте краденного. Арина Ивановна попала в тюрьму, ее били плетьюми, заставляя сознаться в несуществующих преступлениях, в то время как Ванька снова и снова передавал ей предложения о браке. Женщина дала согласие после того, как к ней обещали применить серьезные пытки.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения генерал-полицмейстера А. Д. Татищева и заставившей его всерьез взяться за Каина, стало похищение им в 1749 г. 15-летней дочери солдата Федора Тарасова, которую до этого на вечеринках в доме солдатки Федосьи Савельевой он неоднократно пытался подкупить лакомствами и угостить вином и пивом. Каин увез девушку в село Павилено и надругался над ней.

При этом Ванька Каин стал героем двух произведений, пользовавшихся большой популярностью в России второй половины XVIII в., –

«автобиографии» (1777)² и книги М. Комарова под названием «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов...» (1779), явившихся самыми распространёнными русскими повествованиями о плуте [Штридтер]. До 1800 г. в различных редакциях вышло в общей сложности 16 изданий его походов, превзошедших по известности все произведения русской беллетристической прозы того времени. Даже самые популярные переводные романы, «Телемак» Ф. Фенелона или «Жиль Блас» А.-Р. Лесажа, имели в России лишь восемь и девять изданий соответственно.

Ванька-Каин в историографии XIX–XXI вв.

В изучении личности и деяний Ваньки Каина выделяются три основных направления. Первое ставило целью выявить историческую составляющую, отражённую в его «автобиографии», путем соотнесения «литературных» фактов жизни героя с историческими документами. Подобная работа была предпринята Г. В. Есиповым, которому удалось установить подлинный год рождения мошенника, а также обнаружить, что он был неграмотен. Именно Есипов первым стал рассматривать Ваньку Каина не как абстрактного «русского Картуша», но как человека, являющегося плотью от плоти и кровью от крови жизни первопрестольной 1730–1740-х гг.

Традиция, начатая Г. В. Есиповым, была продолжена Д. Л. Мордовцевым, который склонен был называть Ваньку «героем своего времени» в постыдном значении этого слова [Мордовцев, с. 19]. Идея абсолютной типичности Ваньки Каина для московской жизни первой половины XVIII в. была воспринята и историком С. Соловьевым, утверждавшим, что «по природе и воспитанию Каин не был отважным волжским разбойником, был столичный мошенник» [Соловьев, с. 526]. В XXI в. Е. В. Акельев использует архивные материалы следственного дела о Ваньке Каине для изучения формирования в Москве XVIII в. «сообщества профессиональных преступников» [Акельев, 2014, с. 299]³. Второе направление, литературоведческое, касается отражения в текстах о Ваньке Каине различных литературных и фольклорных традиций, связанных с развитием отечественной

² Полное название: «Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика. За раскаяние в злодействе получившего от казни свободу; но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году» (1777). Выходу данного текста предшествовала брошюра 1775 г. «О Ваньке Каине, славном воре и мошеннике, краткая повесть», в которой, кстати, уже была отмечена двойственность образа героя: «Наконец и Каин, производивший *то злые, то добрые дела* (выделено мной. – Е. П.); однако превосходно упражняяся в первых, так что многое время употребить надобно на описание всех его мошенничеств, из которых многие за краткость сея повести пропущены, подвергнувшись правосудию и получил достойное возмездие» [О Ваньке Каине, с. 14].

³ Первоисточник: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1535. Л. 6–6 об.

прозы. В. Шкловский в книге «Матвей Комаров житель города Москвы» (1929), признавая, что «и в анонимном тексте, и у Комарова образ Ваньки Каина снижен, дан мельче, чем был исторический Каин» [Шкловский, с. 56], проводит подробное сопоставление анонимной «автобиографии» Каина с романом М. Комарова.

Характеризуя процесс формирования индивидуально-личностного сознания в России XVIII в., М. Б. Плюханова отмечает три системы представлений, в которых обычно получает интерпретацию образ Ваньки Каина: плутовской роман, уголовная хроника и русский исторический фольклор. Все три системы представлений, расходясь в оценке героя, «оказываются равноправными, мирно сосуществуют и даже пересекаются» [Плюханова, с. 6]. Кроме того, путь формирования персонажа происходит в сюжетно-стилевой системе фольклорного театра, при этом «ориентация Ваньки на театр открыто осознана им самим» [Там же, с. 9], когда он в середине 1740-х гг. в Москве на Масляной неделе ставит на вершине снежной горы пьесу «Соломоново действо», в которой принимают участие 30 комедиантов и два шута. Исследовательница отмечает также связь «автобиографии» Ваньки Каина с традицией скоморошества, что объясняется ситуацией близости этих «отреченных профессий» и тем, что «ко времени запрета на скоморошество они почти сливаются по положению в социальной структуре» [Там же, с. 12].

Третье направление связано с выявлением жанровых черт плутовского романа. Данная проблема поднимается в монографии Ю. Штридтера 1961 г., в ней автор анализирует проявления форм плутовского романа в указанных текстах. В «автобиографии» исследователь видит «пограничное явление между плутовской литературой, криминальной журналистикой и настоящим фольклором» [Штридтер, с. 124]. Большое значение для дальнейшего изучения темы Ваньки Каина сыграло появление в 2019 г. академического издания произведений М. Комарова «Ванька Каин» и «Милорд Георг», подготовленного В. Д. Раком в серии «Литературные памятники».

Среди зарубежной славистики хочется отметить вклад Е. Рэ-Гонно, осуществившей в 2008 г. научное издание «Истории Ваньки Каина» и «Жизни и походов российского Картуша, именуемого Каина» [Rai-Gonneau].

Семиотика образа Ивана Осипова

За пределами внимания оказалась семиотика поведения Ваньки Каина как исторического персонажа и «мошенника»⁴. Герой относит-

⁴ И. Я. Фойницкий в книге «Мошенничество по русскому праву» отмечает, что до указа Екатерины II 1781 г. «прежнее общее законодательство (например, эпохи Ваньки Каина. – Е. П.) знало лишь два вида корыстных имущественных преступлений: татьбу и разбой; мошенничество составляло лишь один из частных видов татьбы. Указ 1781 г. устанавливает три их вида: воровство-кражу, воровство-мошенничество и воровство-грабеж. Воровство-мошенничество, став самостоятельным видом, заняло место посреди кражи и грабежа» [Фойницкий, с. 46].

ся к тем персонажам, которые с полным основанием могут называться знаковыми фигурами, обладающими высоким уровнем семиотического поведения на уровне «амплуа» и «сюжета»⁵.

В эпоху, когда идеальный герой должен был демонстрировать стиль поведения «сына Отечества», жизнь Ваньки Каина явила собой пример маргинального бытия многочисленных «авантюристов Просвещения». Характеризуя образ европейского «рыцаря удачи», А. Ф. Строев выделил несколько основополагающих черт человека, «поправляющего фортуна» [Строев, с. 19]: он любит хорошо одеваться и подчеркивать свое богатство, он непредсказуем в своем поведении и обладает даром импровизации, склонен к актерской игре; он всегда на людях, часто провоцирует окружающих на скандал, любит риск за карточным столом, «ставит на кон жизнь и состояние» [Там же, с. 22]. В ряду маргинальных фигур XVIII столетия, шарлатанов, обманщиков, профессиональных игроков и плутов, явно не хватает фигуры профессионального мошенника, вора и разбойника, являющегося представителем низкого сословия и стремящегося при помощи своего ремесла и своих талантов «поправить» несправедливость своего рождения.

Во Франции подобной знаковой фигурой оказался Картуш (Луи Доминик Бургильон). Сын бочара, он стал одним из самых знаменитых разбойников Франции, окончив свою жизнь на Гревской площади в 1721 г. в возрасте 28 лет. Перевод книги «Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша...» появился в России в 1771 г., став одним из вариантов плутовского романа, в котором герой выламывался из рамок своего сословия. В русском издании читаем: «Он одарен был свойствами, которые бы его преизрядным человеком сделать могли. Имел великий разум, живость, память и хитрость, был рассудителен и бодр... был он крепок и весьма здоров и имел силу не в пример обыкновенным силам человеческим» [Подлинное описание жизни, с. 98].

Картуш представлял собой классический тип авантюриста. Воспитанник иезуитского колледжа, в котором он учился вместе с Вольтером, он успел побывать бродячим артистом и солдатом. Став профессиональным грабителем, юноша атлетического телосложения с веселым открытым лицом внес в свою профессию элементы юмора и театральной культуры. Он обожал переодевания, появляясь на публике в образе знатного дворянина, аббата, иностранного путешественника или жалкого оборванца, мистифицируя свои будущие жертвы. Многочисленные анекдоты о Картуше прославляют его склонность к шуткам, розыгрышам и чисто французскую галантность. В отличие от других «благородных разбойников», Картуш не делился с бедняками.

Успеху Картуша способствовало то, что путем подкупа ему удалось создать в Париже сеть осведомителей, среди которых были и полицейские, и жандармы. Эта черта роднит его с Ванькой Каином. Картуш ненавидел и жестоко карал предателей, что не спасло от предательства

⁵ Подробнее о бытовом поведении см.: [Лотман].

его самого. Причиной стало огромное вознаграждение, обещанное начальником городской полиции. Арестованный Картуш после пыток был казнен на Гревской площади 28 ноября 1721 г. Последним звеном мифа стало признание отца разбойника в том, что Картуш якобы был бастардом, принесенным ему неизвестным знатным дворянином, который платил крупные суммы за воспитание ребенка⁶.

Как видно из сравнения героев, между ними больше различий, нежели сходства. С одной стороны – галантный француз, даже не эшафоте не сдавший ни одну из своих любовниц, с другой – русский мужик, кнутом принуждающий к замужеству женщину, которую он полюбил. С одной стороны – Картуш, считающий предательство товарищей по ремеслу самым страшным преступлением, с другой – Ванька Осипов, по праву заслуживший свое прозвище Каин за неоднократную сдачу в руки правосудия самых близких друзей. Наконец, с одной стороны – незаконнорожденный сын французского аристократа, всеми силами стремящийся обратить на себя внимание королевской власти дерзкими преступлениями, с другой – бывший крепостной, стремящийся к максимальному обогащению и не заинтересованный в том, чтобы его имя гремело по Москве, вызывая страх людей различных сословий.

Но анонимный автор «автобиографии» Ваньки Каина 1777 г. имел полное право поставить эти имена рядом. Данные псевдомемуары представляли Ваньку в особом свете, фиксировали самый важный семиотический сюжет его бытия «веселого вора», искусного на всяческие проделки и неизменно добивавшегося успеха. Это тот аспект, который сближает Ваньку с Картушем и почти заставляет забыть его прозвище, роднящее его с однозначно отрицательным персонажем Библии братоубийцей Каином. Практика подобного изображения героя уходит своими корнями как в бытовую и сатирическую повесть XVII в., так и в традиции скоморошества и народного театра, что было отмечено исследователями этого образа. Д. Мордовцев полагал, что «автобиография» представляет Ваньку в образе «удалого добра молодца» [Мордовцев, с. 17]. В. Шкловский отмечал зависимость текста от фацеции и рассказов про плутов [Шкловский, с. 64]. Дает о себе знать и традиция скоморошества, которую выявил А. А. Белкин, рассмотрев большую группу документов XVI–XVII вв. Исследователь пришел к выводу, что с позиций не только административно-официальных, но и демократических скоморошья команда могла отождествляться с воровской шайкой [Белкин, с. 53–109].

Специфика образа Ваньки Каина в «автобиографии» проанализирована В. Д. Раком: «Герой “автобиографии” предстает в фольклоризированном облике “веселого вора”, “удалого добра молодца”, балагура, выставяющего свою ловкость, находчивость, хитрость, ар-

⁶ Е. В. Акельев обращает внимание на активную мифологизацию образа Картуша уже в «Истории жизни и процесса Картуша» (1722) начиная с года его рождения и кончая оценкой размеров его банды [Акельев, 2015].

тистическую в своем роде дерзость, неистощимую изобретательность и остроумие» [Рак, с. 358]. Можно сказать, что именно этот каскад проделок и шалостей, наложенный на обильное употребление поговорок, воровского жаргона, рифмованных прибауток, и позволил автору «автобиографии» провести параллель между Ванькой Каином и Картушем. Данная параллель не только была с благосклонностью воспринята читателем, но и заставила впоследствии М. Комарова объединить историю Ваньки Каина и Картуша под одной обложкой.

Книга «Жизнь и похождения российского Картуша...» композиционно делится на две части: это собственно «воровские» приключения, в которых большую роль играет яркий воровской жаргон, органично сочетающийся с многочисленными пословицами, поговорками и приговорками, и более деловая, написанная с использованием канцеляризмов часть, повествующая о деяниях сыщика Каина. Третья часть, рассказывающая об аресте Ваньки Каина, расследовании его дела, приговоре и наказании, практически отсутствует.

Отличительной особенностью первой части является неизменный перевод автором Ванькой Каином воровских речений на обычный язык для удобства понимания их неискушенным в подобной лексике читателем: «На одной неделе четверга четыре, а деревенский месяц с неделей десять, т. е. везде погоня, нас ищут» [Жизнь и похождения, с. 324]; «спасибо Петру, что сберег сестру, т. е. ушел» [Там же, с. 325]; «овин горит, а молотильщики обедать просят, т. е. чтоб подарить секретаря и повытчика» [Там же, с. 326]; «у Ивана в лавке по два гроша лапти, т. е. нельзя ли из-под караула уйти» [Там же, с. 326]. В мире «Жизни и походов...» вино в кабаке называется товаром из безумного ряда, Тайная канцелярия – Стукаловым монастырем, застенки – немшоной баней, где «людей весют, сколько кто потянет» [Там же, с. 317], куль – «персидским ковром, что соль весют» [Там же, с. 318], «сушить» означает «пытать огнем», а кафтан с камзолом – это «муки фунта два с походом» [Там же, с. 324]⁷.

Языковой портрет Ваньки Каина в первой части состоит из различных поговорок и острот, что, по мнению анонимного автора, должно было сделать героя любимцем читателей и образцом народного героя. Убегая от своего хозяина купца Петра Дмитриевича Филатьева, Ванька пишет на воротах: «Пей воду как гусь, ешь хлеб как свинья, а работай черт, а не я» [Там же, с. 316]. При общении с людьми самого различного ранга и социального статуса, начиная от графа С. А. Салтыкова до девки, служанки купца Филатьева, Ванька неизменно использует этот язык: «какой на господине мундир, такой и на холопе один. Сидор да Карп в Коломне живет, а грех да беда на кого не живет, вода чего не поймет? А огонь и попа сожжет» [Там же, с. 318].

⁷ Начатая историей Ваньки Каина, традиция использования «воровского жаргона» найдет впоследствии яркое отражение в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина при воспроизведении разговора Е. Пугачева с хозяином постоялого двора.

Во второй части «автобиографии» преобладает документально-канцелярский стиль [Плюханова, с. 11]. В соответствии с ним Ванька на языке канцелярского отчета рассказывает, сколько он взял с командой мошенников мужского и женского пола, подробно перечисляет атаманов и простых воров, называет их имена и клички.

Однако первую и вторую части «автобиографии» Каина объединяет амплуа героя – роль «удалого добра молодца». В этом качестве Каин не имел права на низкие и подлые поступки, которые роняли бы его престиж в глазах читателей. Поэтому здесь затушеваны или совсем отсутствуют деяния Ваньки, не соответствующие ни христианской, ни воровской этике. В тексте не приводятся преступное похищение девушки-раскольницы с целью выкупа и ее истязания, аресты детей раскольников с целью выкупа и др. Если история с девушкой-раскольницей, раскольничьими детьми и арестом Петра Камчатки отсутствует вовсе, то вместо невинной солдатской дочери, всячески противящейся поползновениям Ваньки, фигурирует увезенная жена полицмейстерской канцелярии подьячего Николая Буданова, которая, судя по тону рассказа, была совсем не против подобного похищения. А насильственное замужество приобретает характер своеобразного поединка со «злой женой» и победы над ее строптивым характером.

Автор настойчиво подчеркивает наличие «добрых» дел, совершенных героем на службе в Сыском приказе, что должно было искупить «каиновскую печать» судьбы героя. Ванька несколько раз повторяет, что никогда не был замешан в смертоубийствах, в отличие от других воров и разбойников, подробно рассказывает случаи, когда он ловил людей, действительно виновных в жестоких преступлениях. Повод для гордости сыщика давали дела «политического» характера, например, поимка банды сукновальщиков, выдававших себя за людей из Тайной канцелярии и грабивших купцов.

С особым удовольствием Каин повествует об историях, в которых он выступает в столь любимой им роли затейника, реализуя характерную для амплуа авантюриста страсть к игре и молодецким забавам. К подобным эпизодам можно отнести освобождение из монастыря обвенчанной старицы Ксенофонтовой, для чего Каин переодевается в офицерский мундир, «освобождение» бочки с вином у таможенных сторожей, борьбу с фальшивомонетчиками из Немецкой слободы и т. п. И хотя Каин не забывает брать за свои услуги деньги, некоторые его деяния претендуют на то, чтобы быть «добрыми».

Романизация истории Ваньки-Каина М. Комаровым

Впервые описание жизни российского вора, мошенника и разбойника Ваньки Каина было предпринято в 1779 г., и в этом же году, видя неподдельный интерес читателей к своему сочинению, Комаров выпустил новую книгу, которая включала в себя также и историю Картуша.

В предуведомлении писатель объяснял это желанием доказать, что Картуш не является исключительно французским мошенником, поскольку в России, как и во Франции, люди такого типа встречаются. Это происходит потому, что характеры россиян ничем не отличаются от характеров французов и других европейцев, так как «натура всех людей равным образом на свет производит» [Комаров, с. 8]. В подобном контексте история Ваньки Каина обретает некоторым образом патриотический потенциал, несмотря на всю противоречивость данной фигуры.

Каковы же пути романизации М. Комаровым «автобиографии» Ваньки Каина? В. Д. Рак признавал, что М. Комаров, без сомнения, опирался на «автобиографию» Каина, «следуя в некоторых местах фраза за фразой» [Рак, с. 359], но ориентировался и на приемы романной техники XVIII в. К ним можно отнести появление связей между эпизодами, многочисленных нравоучительных рассуждений и замечаний, развитие сюжетных линий, лишь мимоходом намеченных в «автобиографии».

В. Шкловский видит проявление романности в том, что Комаров вводит в текст вполне серьезные размышления о крепостном праве, пытается представить психологию действующих лиц, показать мотивацию их действий. В духе традиции демократической литературы XVII в. он усиливает антиклерикальный характер своего текста. Главным героем венчания Каина у Комарова становится «пьяный поп», которому после окончания церемонии вешают на шею две бутылки с вином, а за пазуху кладут живую курицу. В «автобиографии» Каина этот эпизод отсутствует. Ю. Штридтер видит литературную целеустановку М. Комарова в желании дать моральный пример того, что «одаренные люди, не воспитанные ради добродетели и обращающиеся ко злу, должны прийти к гибели» [Штридтер, с. 120].

Важным моментом, объясняющим, почему семиотика поведения героя оказалась такой привлекательной для русского читателя второй половины XVIII в., стала поэтизация его образа. М. Комаров дополнил его историю песнями, якобы петыми Ванькой в заключении, что поставило его в один ряд с фольклорными образами Кудеяра и Стеньки Разина.

М. Комаров приложил к своему изданию 45 из 47 песен из песенника М. Чулкова («Собрание разных песен» 1770–1774 гг.). При переиздании книги число песен возросло до 64. Известный исследователь романной формы В. В. Сиповский не сомневался, что песни, изданные М. Комаровым под названием «любимых Каиновых», действительно пелись героем в тюрьме «с особенной охотой» [Сиповский, с. 886]. Сопоставление последовательности, в которой напечатал песни М. Комаров, с их расположением у М. Чулкова «позволило реконструировать весь процесс работы компилятора над этим разделом своей книжки» [Рак, с. 362]. Имея на руках два тома песен М. Чулкова, изданных в 1770 г., Комаров не взял ни одной из исторических песен

эпох Ивана Грозного и Петра Великого и стал переписывать песни начиная со второго тома.

Так или иначе, песни Ваньки Каина, в которых передавалась вся гамма чувств «добра молодца» от любовной тоски до думы перед казнью, способствовали появлению в комаровском тексте очень важного амплуа героя – «несчастенького» (в терминологии Д. Мордовцева), и данная характеристика была очень важной для сентиментального читателя, которого не удовлетворял «прибауточный» герой-победитель, не показывавший своих чувств и страданий.

К 1770-м гг., времени первой литературной славы Ваньки Каина в России, фигура вора и разбойника еще не была окружена романтическим ореолом. Это произойдет в европейской литературной традиции рубежа XVIII – начала XIX в. начиная с образа Карла Моора («Разбойники» Ф. Шиллера). Подробно проанализировав важнейшие черты поэтики «разбойничьего романа», В. Э. Вацуро выделил произведение немецкого писателя К. А. Вульпиуса (русский перевод 1802–1803 гг.) и его героя Ринальдо Ринальдини, в котором воплотился в глазах русского читателя тип «благородного разбойника» [Вацуро, с. 331].

Ринальдо, в отличие от Ваньки Каина, живет и действует в соответствии с разбойничьей этикой эпох сентиментализма и романтизма: он отнимает имущество только у богатых, никогда не поднимает руку на женщин, детей и стариков, в случае необходимости делится награбленным богатством с бедными. Имя Ринальдо Ринальдини неоднократно появляется в литературном контексте XIX в.⁸ А. А. Бестужев-Марлинский, по воспоминаниям его брата Михаила, буквально зачитывался в детстве романами вроде «Ринальдо Ринальдини» [Воспомяная Бестужевых, с. 205]. Поведение а ля Ринальдо Ринальдини или Карл Моор сыграло злую шутку в судьбе юного Е. Боратынского, для которого «разбойничья жизнь казалась...завиднейшею в свете» [Е. А. Боратынский, с. 130], лишив его на долгие годы возможности служить, как было положено по статусу российскому дворянину.

В подобном историко-литературном контексте фигура Ваньки Каина не могла не померкнуть. Однако в качестве мошенника-авантюриста эпохи дворцовых переворотов он неожиданно отразил важнейшую черту любого смутного времени – сращение криминала и правоохранительных органов. Попытки же «мелкотравчатых» авторов второй половины XVIII в. представить Ваньку Каина героем своего времени, апеллируя к традициям скоморошества и воровского братства, используя возможности театрального дискурса и поэтики плутовского романа, моделируя семиотику его поведения обращением к жанру прибауток и разбойничьих песен, позволяют увидеть в нем представителя субкультуры авантюристов. И если авантюрист-

⁸ Ср. повесть А. С. Пушкина «Дубровский», где князь Верейский сравнивает с Ринальдо Владимира Дубровского [Пушкин]. В «Мертвых душах» Н. В. Гоголя Чичиков в представлении обывателей города Н* «является вооруженный с ног до головы вроде Ринальда-Ринальдини» [Гоголь, с. 172].

дворянин чаще всего выступал в роли ученого-мистика или светского щеголя-соблазнителя, то представителю третьего сословия чаще всего доставалась карьера мошенника, что подтверждают судьбы как французского Картуша, так и русского Ваньки Каина.

Список литературы

Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М. : Молодая гвардия, 2012. 416 с.

Акельев Е. В. Архивные материалы следственного дела о Ваньке Каине // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского : [сб. ст.]. М. : Древлехранилище, 2014. С. 298–471.

Акельев Е. В. Картуш и Ванька Каин: к характеристике исторических прототипов литературных героев // Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России : сб. науч. тр. М. : Ин-т мировой лит. РАН, 2015. С. 186–205.

Белкин А. А. Русские скоморохи. М. : Наука, 1975. 192 с.

Вацуро В. Э. Готический роман в России. М. : Новое лит. обозрение, 2002. 544 с. Воспомятия Бестужевых. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 892 с.

Гоголь Н. В. Мертвые души : поэма. М. : Худ. лит., 1985. 368 с.

Е. А. Боратынский : Летопись жизни и творчества. 1800–1844. М. : Новое лит. обозрение, 1998. 496 с.

Еситов Г. Ванька Каин // Оснадцатый век : Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым (издателем «Русского архива») : [в 4 кн.]. М. : Тип. Т. Рис, 1868–1869. Кн. 3. С. 280–342.

Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика. За раскаяние в злодействе получившего от казни свободу; но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году // Комаров М. Ванька Каин. Милорд Георг / изд. подг. В. Д. Рак. М. : Ладомир : Наука, 2019. С. 315–345.

Комаров М. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов // Комаров М. Ванька Каин. Милорд Георг / изд. подг. В. Д. Рак. М. : Ладомир : Наука, 2019. С. 7–144.

Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Из истории русской культуры : в 5 т. М. : Языки рус. культуры, 1996. Т. 4. XVIII – начало XIX века. С. 537–575.

Мордовцев Д. Л. Ванька Каин : ист. очерк. СПб. : Хромотит. и тип. В. Грацианского, 1876. 193 с.

О Ваньке Каине, славном воре и мошеннике, краткая повесть // Комаров М. Ванька Каин. Милорд Георг / изд. подг. В. Д. Рак. М. : Ладомир : Наука, 2019. С. 305–314.

Плюханова М. Б. Литературные и культурные традиции в формировании литературно-исторического персонажа (Ванька Каин) // Типология литературных взаимодействий : Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту : Тартус. гос. ун-т, 1983. С. 3–17.

Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша и его сотоварищей, собранное из производимых над ним процессных пунктов и других вероятных уведомлений / с нем. яз. пер. капитан М. Неёлов. СПб. : [Тип. Акад. наук], 1771. 98 с.

Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. М. : Худ. лит., 1987. Т. 3. Проза. 528 с.

Рак В. Д. Две повести Матвея Комарова, «жителя города Москвы» // Комаров М. Ванька Каин. Милорд Георг / изд. подг. В. Д. Рак. М. : Ладомир : Наука, 2019. С. 349–368.

Ситовский В. В. Из истории русского романа : [в 2 т.]. СПб. : Тип. т-ва «Труд», 1909. Т. 1. 951 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : [в 6 кн.]. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1851–1879. Кн. 5. Т. 21–25. 782 с.

Строев А. Ф. «Те, кто исправляет Фортуну» : Авантюристы Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 1998. 398 с.

Указ Сената Сыскному приказу от 3 октября 1744 г. за № 11.491 // Есипов Г. Ванька Каин // Оснадцатый век : Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым (издателем «Русского архива») : [в 4 кн.]. М. : Тип. Т. Рис, 1868–1869. Кн. 3. С. 312.

Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1871. 289 с.

Шкловский В. Матвей Комаров житель города Москвы. Л. : Прибой, 1929. 295 с.

Штридтер Ю. Плутовской роман в России : К истории русского романа до Гоголя / пер. с нем. В. Брун-Цеховского, Д. Бордюгова. М. : АИРО–XXI ; СПб. : Алетей, 2015. 416 с.

Rai-Gonneau E. Vie de Kain, bandit russe et mouchard de la tsarine. Paris : Inst. d'études slaves, 2008. 383 p.

References

Akel'yev, E. V. (2012). *Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina* [Daily Life of the Thieves' World in Moscow at the Time of Vanka Kain]. Moscow, Molodaya gvardiya. 416 p.

Akel'yev, E. V. (2014). Arkhivnye materialy sledstvennogo dela o Van'ke Kaine [Archival Materials of the Investigative Case about Vanka Kain]. In *Gishtorii rossiiskie, ili Opyty i razyskaniya k yubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo. Sbornik statei*. Moscow, Drevlekhranilishche, pp. 298–471.

Akel'yev, E. V. (2015). Kartush i Van'ka Kain: k kharakteristike istoricheskikh prototipov literaturnykh geroev [Cartouche and Vanka Kain: On the Characterisation of Historical Prototypes of Literary Characters]. In *Genezis zarubezhnoi massovoi literatury i ee sud'ba v Rossii. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN, pp. 186–205.

Belkin, A. A. (1975). *Russkie skomorokhi* [Russian Buffoons]. Moscow, Nauka. 192 p.

E. A. Boratynskii. *Letopis' zhizni i tvorchestva. 1800–1844* [A Chronicle of Life and Creative Work. 1800–1844]. (1998). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 496 p.

Esipov, G. (1868–1869). Van'ka Kain [Vanka Kain]. In *Osmnadsatyi vek. Istoricheskii sbornik, izdavaemyi Petrom Bartenevym (izdatelem "Russkogo arkhiva") v 4 kn.* Moscow, Tipografiya T. Ris. Book 3, pp. 280–342.

Foinitskii, I. Ya. (1871). *Moshennichestvo po russkomu pravu* [Fraud under Russian Law]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 289 p.

Gogol, N. V. (1985). *Mertvye dushi. Poema* [Dead Souls. Poem]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 368 p.

Komarov, M. (2019). Obstoypatel'noe i vernoe opisanie dobrykh i zlykh del rossiiskogo moshennika, vora, razboinika i byvshego moskovskogo syshchika Van'ki kaina, vsei ego zhizni i strannykh pokhozhenii [A Thorough and Correct Description of the Good and Evil Deeds of the Russian Swindler, Thief, Robber, and Former Moscow Detective Vanka Kain, His Whole Life and Strange Adventures]. In Komarov, M. *Van'ka Kain. Milord Georg* / ed. by V. D. Rak. Moscow, Ladimir, Nauka, pp. 7–144.

Lotman, Yu. M. (1996). *Poetika bytovogo povedeniya v russkoi kul'ture XVIII veka* [Poetics of Everyday Behaviour in the Russian Culture of the 18th Century]. In *Iz istorii russkoi kul'tury v 5 t.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 4. XVIII – nachalo XIX veka, pp. 537–575.

Mordovtsev, D. L. (1876). *Van'ka Kain. Istoricheskii ocherk* [Vanka Kain. A Historical Sketch]. St Petersburg, Khromolitografiya i tipografiya V. Gratsianskogo. 193 p.

O Van'ke Kaine, slavnom vore i moshennike, kratkaya povest' [About Vanka Kain, a Glorious Thief and Swindler, a Short Story]. (2019). In Komarov, M. *Van'ka Kain. Milord Georg* / ed. by V. D. Rak. Moscow, Ladimir, Nauka, pp. 305–314.

Plyukhanova, M. B. (1983). Literaturnye i kul'turnye traditsii v formirovanii literaturno-istoricheskogo personazha (Van'ka Kain) [Literary and Cultural Traditions in the Formation of a Literary-Historical Character (Vanka Kain)]. In *Tipologiya literaturnykh vzaimodeistvii. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie*. Tartu, Tartuskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3–17.

Podlinnoe opisanie zhizni frantsuzskogo moshennika Kartusha i ego soto-varishchei, sobrannoe iz proizvodimykh nad nim protsessnykh punktov i drugikh veroyatnykh uvedomleniev [An Authentic Description of the Life of the French Fraudster Cartouche and His Comrades Compiled from the Procedural Points Carried out on Him and Other Probable Notifications] / transl. by Captain Matfiy Neelov. St Petersburg, [Tipografiya Akademii nauk]. 98 p.

Pushkin, A. S. (1987). *Sochineniya v 3 t.* [Works. 3 Vols.] Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 3. Proza. 528 p.

Rai-Gonneau, E. (2008). *Vie de Kain, bandit russe et mouchard de la tsarine*. Paris, Institut d'études slaves. 383 p.

Rak, V. D. (2019). Dve povesti Matveya Komarova, “zhitelya goroda Moskvy” [Two Stories of Matvey Komarov, “a Resident of the City of Moscow”]. In Komarov, M. *Van'ka Kain. Milord Georg* / ed. by V. D. Rak. Moscow, Lodomir, Nauka, pp. 349–368.

Shklovskii, V. (1929). *Matvei Komarov zhitel' goroda Moskvy* [Matvey Komarov, a Resident of the City of Moscow]. Leningrad, Priboi. 295 p.

Striedter, Ju. (2015). *Plutovskoi roman v Rossii. K istorii russkogo romana do Gogolya* [Picaresque Novel in Russia. On the History of the Russian Novel before Gogol] / transl. by V. Brun-Tsekhovskii, D. Bordyugov. Moscow, AIRO–XXI, St Petersburg, Aleteiya. 416 p.

Sipovskii, V. V. (1909). *Iz istorii russkogo romana v 2 t.* [From the History of the Russian Novel. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Trud”. Vol. 1. 951 p.

Solovyov, S. M. (1851–1879). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 6 kn.* [History of Russia since Ancient Times. 6 Books]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”. Book 5. Vol. 21–25. 782 p.

Stroeve, A. F. (1998). “*Te, kto ispravlyayet Fortunu*”. *Avanturyisty Prosveshcheniya* [“Those Who Correct Fortune”. Adventurers of the Enlightenment]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 398 p.

Ukaz Senata Sysknomu prikazu ot 3 oktyabrya 1744 g. za № 11.491 [Decree of the Senate to the Investigative Prikaz as of 3 October 1744. No. 11.491]. (1869). In Esipov, G. *Van'ka Kain*. In *Osmnadsyati vek. Istoricheskii sbornik, izdavaemyi Petrom Bartenevym (izdatelem “Russkogo arkhiva”)* v 4 kn. Moscow, Tipografiya T. Ris. Book 3, p. 312.

Vatsuro, V. E. (2002). *Goticheskii roman v Rossii* [The Gothic Novel in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 544 p.

Vospominaya Bestuzhevskikh [Remembering the Bestuzhevs]. (1951). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 892 p.

Zhizn' i pokhozheniya rossiiskogo Kartusha, imenuemogo Kaina, izvestnogo moshennika i togo remesla lyudei syshchika. Za raskayanie v zlodeistve poluchivshogo ot kazni svobodu; no za obrashchenie v prezhnii promysel soslannogo vechno na katorzhnuyu rabotu, prezhde v Rogervik, a potom v Sibir'. Pisannaya im samim pri Baltiiskom porte v 1764 godu [The Life and Adventures of the Russian Cartouche, Called Kain, a Well-Known Swindler and Detective Persecuting Frauds. For Repentance of the Villainy of the One Who Received Freedom from Execution; but for the Conversion to the Former Craft of the Exiled Forever to Hard Labour, First to Rogervik and then to Siberia. Written by Himself in the Baltic Port in 1764]. (2019). In Komarov, M. *Van'ka Kain. Milord Georg* / ed. by V. D. Rak. Moscow, Lodomir, Nauka, pp. 315–345.